

общественно-бытовые отношения между людьми, в-третьих, как психологический комплекс, вмещающий общенародные этические нормы и обуславливающий протест героя. Следовательно, зависимость героя от среды получает романтическую интерпретацию. Но проблемы, поставленные в «Песне...», связаны и с просветительскими идеями. Степан Калашников ближе к подлинному представлению о человеке, нежели человек современного Лермонтова поколения. Точно так же общенародные этические нормы, защищаемые им, принципиально расходятся с господствующими социальными нормами, лишь замутившими «детское» сознание народа. В этом отношении мысль о царской власти, распавшейся с народными идеалами и представшей чуждой народному сознанию, вносит существенный и важный штрих в «Песню...». Ценность Калашникова подчеркивается его бытовым окружением, но главным образом общностью его психологии с народной психологией. «Естественный человек» у Лермонтова тоже обнаруживает цельность, но прежде всего с природой, а через нее — с духом народа. «Естественный человек» получает опору для развития внутренних потенций души благодаря непосредственному общению с природой («Мцыри»), предметно закрепляющей «дух отцов», который оживает в душе «естественного человека». Природа и народ оказываются двумя сферами, к которым тяготеет «лермонтовский человек».

Поэма «Мцыри», написанная в 1839 году, замыкает тему «естественного человека» в лиро-эпическом творчестве Лермонтова. Проблема «естественного человека», как уже указывалось в литературе о Лермонтове, связана с руссоизмом, с возвращением к «детству человечества», но осложнилась в романтизме трагическим сознанием. Просветительская идея выступила уже не в своем прямом значении, не в чистом виде, а как трагически неисполнимая идея, не потерявшая, однако, нормативного характера¹. Романтически перевоплощенная просветительская идея была связана с байроновской традицией. Самая форма поэмы — исповедь (ср., например, «Шильонский узник» Байрона, а также перевод Жуковского) идет от байроновской поэмы. Однако Лермонтов существенно меняет композицию поэмы. У Байрона нет хронологической последовательности. Лермонтов сохраняет хронологию. Предыстория

героя (Vorgeschichte) дается не в середине поэмы, а в самом начале. Мцыри излагает свою душевную жизнь связано, не перебивая ее отступлениями, отрывочными воспоминаниями. По существу, в исповеди Мцыри применен характерный для лирического монолога принцип. Хотя мы знаем, что герой рассказывает о своей жизни уже после того, как он был найден монахами вблизи монастыря, но исповеди Мцыри придана известная синхронность слова и переживания, слова и действия. Герой как бы одновременно заново действует, переживает свои поступки и рассказывает о них.

Поэма «Мцыри» начинается кратким эпическим зачином, в котором дана предыстория героя. Действие поэмы отнесено в прошлое. Трагическая и мятежная судьба Мцыри не получает сколько-нибудь разветвленной социальной обусловленности, хотя некоторые факты (Мцыри — пленник генерала, следовательно, пострадавший от войны, затем пленник монастыря, отторгнутый от свободной и вольной жизни) влияют на развитие сознания юноши. Однако не эти моменты определяют его психологию. Гораздо более значительно то обстоятельство, что Мцыри взят в плен ребенком. Лермонтов сразу же подчеркивает противоречивость Мцыри — он «пуглив и дик», «слаб и гибок», но «в нем мучительный недуг Развил тогда могучий дух Его отцов». Могущество внутреннего духа и слабость тела — вот характерное противоречие Мцыри, объясняемое оторванностью от родины и неясной тоской по родине, испытываемой героем. Тем самым внешние обстоятельства — пленение Мцыри и жизнь в монастыре — так или иначе преломились в его характере, сделали его, с одной стороны, хрупким и нежным, а с другой — отдалили от «естественной среды», воспитываясь в которой он мог бы стать не последним удальдом на родине своих предков. Эта противоречивость Мцыри непосредственно связана как с мятежным сознанием героя, так и с трагической гибелью его иллюзий. Могучий дух возрос в чуждой ему искусственной среде, он питается воспоминаниями и неясными предчувствиями вольной жизни. В этой связи монастырь в традициях того времени воспринимается как тюрьма, губящая могучий дух, мешающая его свободному развитию. Неоднократные сравнения монастыря с тюрьмой приобретают символический смысл. И хотя Мцыри не испытывает ненависти к монахам, поскольку монахи спасли его из жалости, выходили и излечили, противоположность между душ-

¹ См.: Д. Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., «Советский писатель», 1959, стр. 240.

ным монастырским склепом, куда по воле обстоятельств заточен герой, и миром воли — безграничной природой, в которой Мцыри ощущает гармонию духа и предметных форм, не ослабевает. Внутренняя коллизия, проникающая Мцыри, — слабость тела и могущество духа — получает, таким образом, и внешнее выражение — замкнутость, естественность монастырской среды для могучего духа и, напротив, полную гармонию между природой и духом отцов в естественной, изначальной среде. Через все сознание Мцыри проходит двойственность его природы: помещенный в естественную среду, он оказывается слабым, неприспособленным к ней («Душой дитя, судьбой монах»). Это выражается в его метаниях по кругу. Путь героя внутренне замкнут. Ребенок, в котором едва затеплилась жизнь, вновь оказывается на краю гибели, причем эта гибель грозит ему в стенах того же монастыря. Она обусловлена не личными свойствами монахов, а изначальной судьбой, причинами, лежащими вне личности Мцыри, хотя эти причины и наложили свой отпечаток на противоречивость облика героя. Таким образом, объективная обусловленность характера Мцыри отлична от обусловленности, свойственной реалистическим произведениям. Само монастырское воспитание не коснулось духа Мцыри, в котором живет неискоренимое воспоминание о земле предков. Слова «отец» и «мать» не исчезают из сознания, несмотря на усилия монастырских воспитателей:

Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен.
Напрасно: звук их был рожден
Со мной.

(IV, 151).

Они закреплены в сознании юноши независимо от воспитания. Социально этот момент никак не обусловлен, а дан в качестве антитезы монастырскому бытию. Внутренняя жизнь героя, его сознание не подчиняются социальным отношениям, а контрастируют с ними. Напротив, внешняя жизнь Мцыри — вынужденное пребывание в монастыре («Но после к плену он привык, Стал понимать чужой язык, Был окрещен святым отцом И, с шумным светом незнаком, Уже хотел во цвете лет Изречь монашеский обет...») — может вполне быть объяснена социальными условиями, в результате которых герой изолирован от своей естественной, родственной ему природной и человеческой

среды. Именно в независимости личного сознания от социальных условий (эту независимость Мцыри внутренне сохраняет до конца своих дней) выразился прежде всего романтизм поэмы. Однако Мцыри попадает под власть «обстоятельств». И хотя эти обстоятельства прямо не названы, логика поэмы приводит к тому, что сознание Мцыри вовсе не безразлично к внешним обстоятельствам — воспитание в чуждой среде лишило героя необходимых жизненных сил. Перед смертью он мечтает о воле, его дух «прожжет свою тюрьму», но обрести гармонию с естественной жизнью он уже не в состоянии. Природа дала Мцыри непосредственное ощущение свободной и могучей жизни, но герой бессилён преодолеть слабость тела. И это зависит не столько от самого героя, сколько от внешних обстоятельств, от объективно сложившейся судьбы. Косвенным выражением силы обстоятельств становятся заключительные слова Мцыри, отказавшегося кого-либо винить в случившемся с ним («И никого не прокляну!»). Если сюжет поэмы выявляет конечную обусловленность сознания Мцыри великими обстоятельствами, то, напротив, стих поэмы закрепляет волевую натуру героя. Сюжет и стих противостоят друг другу. Через односторонность и «одной лишь думы власть» передается страстная, напряженная внутренняя тема поисков естественной гармоничной жизни. Мятежность духа юноши непосредственно выражается в патетическом монологе, где рассказ связан с горячей жаждой свободы и проникнут ощущением счастья и воли. Стих поэмы с его смежной, парной рифмовкой, с постоянными ударениями в конце строк выражает неумное стремление героя обрести родину, которое не исчезает, несмотря на реальную неудачу. Мцыри остался таким же вольнолюбивым, как и был. В сущности, его характер ни в чем не изменился: те же противоречия сознания, тот же порыв и та же обреченность, которая заложена в самой его судьбе. Трагизм героического типа личности связан, таким образом, не только с героем поэмы, но и с внешними обстоятельствами. Однако сами по себе эти обстоятельства достаточно случайны. И хотя подобный случай на войне — пленение ребенка — не такой уж невероятный, он предстает именно как случай, так как социальные причины войны не интересуют Лермонтова. Социальность присутствует в поэме как эмоциональный фон внутреннего поведения героя, как антитеза тюремного, монастырского мира и светлой, естественной жизни, т. е. она

скорее средоточие эмоционального отношения героя, а не подлинно конкретная действительность. И социальная характеристика монастыря-тюрьмы, и социальность природы окрашены эмоциями Мцыри. Но это не значит, что монастырь и особенно природа начисто утрачивают свой социальный смысл. Именно через сознание Мцыри они получают свои характерные черты и свойства. И в этом также надо видеть романтический угол зрения, под которым исследуется просветительская проблематика.

Двуплановость образа Мцыри отражена в двуплановости внешнего мира, в монастырской тюрьме и в кавказской природе, в двупланности поэтической структуры, где стих выражает внутренний мир Мцыри, а сюжет — внешнюю обусловленность его судьбы. И вместе с тем два плана достаточно четко отграничены. Мцыри — не романтический герой-индивидуалист, подобно Демону или другим героям лермонтовских поэм, имеющим несомненную связь с мрачными образами байронических скитальцев. Мцыри не испытывает колебаний, свойственных романтическим героям. Внутренний мир Мцыри целен. Сфера внешняя существует отдельно от сферы внутренней и контрастна ей. Но сферы, социально обусловленная и априорно заданная, не отгорожены друг от друга. Противоречия между ними и составляют проблематику поэмы.

Монастырский мир — нечто внешнее по отношению к сознанию Мцыри, но определяющее его судьбу. Мцыри враждебен монастырскому миру, потому что этот мир символизирует действительность, далекую от состояния естественности и простоты. Напротив, именно в естественной, природной среде Мцыри переживает подлинную жизнь и наслаждается ею; эта среда воздействует на его ум, чувства, однако никоим образом не властна над его судьбой. Превозмогая внешние обстоятельства, бросая им вызов, герой отваживается на бегство в родную страну, которая открывает ему свой необозримый и прекрасный мир. В этом мятеже против внешних, сковывающих условий, в прорыве монастырского плена и в прямом обращении к жизни природы, к естественной простоте изначального состояния, свойственного каждой человеческой душе, заключен трагедийный и одновременно высокий протестующий дух Мцыри.

Само обращение к вольному миру Кавказа было в традициях русской поэзии. Нецивилизованная и дикая страна представлялась романтикам неким прообразом челове-

ского детства, где человек поставлен вне социальной проблематики.

В природе Кавказа романтики находили гармонию с дикими и простыми обычаями народов. Им казалось, что социальные отношения, развитые в цивилизованных странах, не коснулись Кавказа. Не только Лермонтов, но и другие романтики переносили действие своих поэм в простые, по их мнению, человеческие общества, непосредственно сталкивая своих героев с природой и устоями этих обществ. Но, в отличие от Пушкина в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» (действие перенесено в цыганский табор), Лермонтов перевертывает ситуацию. Не романтический индивидуалист попадает на Кавказ, где сталкивается с природой и образом жизни простого народа, а герой народной среды получает воспитание в цивилизованном обществе, а затем бежит в родную ему по духу природную стихию, о которой у него есть только смутное воспоминание. Перевернутая ситуация, надо думать, является для Лермонтова принципиально важной, поскольку дает возможность герою ощутить полноту жизни, которая уже убита в цивилизованном человеке. Ведь герои Пушкина не имели внутренних связей с естественными обществами. Лермонтовский герой сохраняет эту связь, несмотря на отгороженность от естественной среды. Он внутренне остается естественным человеком. Через его судьбу прошел разлад между естественным и социальным в нем. Социальное убило в нем жизненную силу, но не омрачило дух, тогда как у пушкинских героев обнаружили отнюдь не внутреннее, а внешние связи с простыми человеческими коллективами. В этом смысле для Лермонтова, вероятно, было далеко не безразлично, куда именно помещать естественного человека. В современном обществе внутренний мир человека искажен и обезображен социальными отношениями. Поэтому никаких воспоминаний у такого героя просто уже не может быть, и, следовательно, помещение его в естественную среду выглядит либо искусственным, либо обнаруживающим присущую ему слабость. Полем деятельности для «естественного человека» может служить только родственная ему стихия. Всякое опрошение заранее отвергается как несостоятельное. Тем самым внутреннее стремление Мцыри к природе продиктовано его естественной натурой. В этом сказалось, безусловно, усвоение реалистических произведений и стремление к психологизации, обусловленной не только субъективными намерениями ге-

роя, но и внешними обстоятельствами, хотя бы и выступающими в перевернутом и суммарном виде. Бегство Мцыри, таким образом, получает дополнительный стимул в его рождении. Каким образом в сознании Мцыри оживает дух отцов, для Лермонтова-романтика не столь уж важно, но существенно, что воспоминание о родной стране отнесено к внутреннему миру, определяющему поступки героя и выбор им поведения в конкретной ситуации.

Трехдневное странствие Мцыри открыло ему смысл его собственного воспоминания, его неясной тоски по родному краю. В его сознании одинаково слиты картины природы и собственные действия. Прояснившееся от созерцания природы туманное воспоминание («И стало в памяти моей Прошедшее ясней, ясней»; «И вспомнил я наш мирный дом И пред вечерним очагом Рассказы долгие о том, Как жили люди прежних дней, Когда был мир еще пышней») непосредственно ведет к действию и рассказу о них. Вслед за вопросом: «Ты хочешь знать, что видел я на воле?» — следует рассказ о величественной природе, выдержанный в антропоморфных образах, затем воспоминание о прежней младенческой жизни в отцовском доме и, наконец, снова вопрос о поступках, совершенных Мцыри на воле: «Ты хочешь знать, что делал я на воле?», составляющий сердцевину поэмы.

Исследователи уже отмечали, что природа в «Мцыри» — не декорация, не некий живописный фон, обрамляющий повествование (Д. Максимов), что она внутренне активна и общественна (Ю. Лотман). Природа в «Мцыри» действительно далека от буколических пейзажей. В сущности, в «Мцыри», как часто у Лермонтова при сохранении предметности описаний, природа дается не ради этих пейзажных подробностей, а как большая и сложная философская тема. Природа не только сохраняет величие и красоту, которых так недостает человеческому обществу, но и обладает первозданной естественностью. Природа человечна: «шакал Кричал и плакал, как дитя», «деревя шумят «свежею толпой», «как братья в пляске круговой», «груда темных скал» полна «думой». В сознании Мцыри природа отождествляется с волей и порождает желание узнать смысл и цель жизни: «Давным-давно задумал я Взглянуть на дальние поля, Узнать, прекрасна ли земля, Узнать, для воли иль тюрьмы На этот свет родимся мы». Природа предстает перед Мцыри в своих разных ликах — она то грозит юноше («Мне страшно стало; на краю Грозящей бездны

я лежал»), то является ему в невиданной красе («Кругом меня цвел божий сад...»). Преодоление страха как естественного человеческого чувства, наслаждение красотой, дикой вольностью становится для Мцыри утверждением своей естественной, природной сущности. В борьбе с природой, в созерцании ее и в наслаждении своими победами над ней проявляется могучий дух отцов в натуре юноши. Мцыри испытывает подлинное блаженство в споре с природой, пробираясь к потоку, преодолевая препятствия, оказываясь на краю пропасти, постоянно подвергая себя опасности («И я висел над глубиной, Но юность вольная сильна. И смерть казалась не страшна!»). Мцыри поставлен в один ряд с природой, временами он чувствует себя диким и вольным зверем. В природе он освобождается от социальных связей. Именно здесь, в столкновении с природой, слабый телом юноша ощутил необычайный прилив сил, гармонию телесного и духовного. Но природа не только таит безграничные опасности, она приносит и чистые радости любви, первого робкого и неясного, почти детского чувства. Следом за опасностью наступает просветление. Чередование эпизодов подчеркивает непреднамеренность, стихийную вольность природной среды. И Мцыри легко, непринужденно переходит от одного чувства к другому. Природа напрягает душевные силы юноши, дает ему отдых, утоляет жажду, приносит счастье любви. Два эпизода символизируют природную цельность и полноту. Оба они с наибольшей силой выявляют духовное и физическое могущество вольной юности. Эпизод с грузинкой раскрывает духовный мир Мцыри, его жажду счастья, любви, добра, его приверженность прекрасному миру. Грузинка возникает как некое прекрасное виденье, сопровождаемое простыми и чудными звуками:

И ближе, ближе все звучал
Грузинки голос молодой,
Так безыскусственно живой,
Так сладко вольный, будто он
Лишь звуки дружеских имен
Произносить был приучен.

Простая песня то была,
Но в мысль она мне залегла,
И мне, лишь сумрак настает,
Незримый дух ее поет.

(IV, 158).

«Простая песня» грузинки, ее бедный наряд («И беден был ее наряд...»), весь ее облик, как бы слитый с природой, ставший ее неотъемлемой частью («Стройна под ношею своей, Как тополь, царь ее полей!»), олицетворяют радостную естественность бытия, его высшее и совершенное

проявление. Простота и бедность становятся необходимыми атрибутами полнокровной естественной жизни и с наибольшей силой воплощают эту жизнь. Природная жизнь чужда роскоши, самая ее пышность («Когда бы мир еще пышней») — нагая. «Мрак очей» грузинки непосредственно, явно выражает «тайны любви», между душой и внешним ее выражением нет опосредствований.

Эпизод с грузинкой в то же время обнаруживает полноту желаний Мцыри и недостижимость для него простого счастья, его принципиальную невозможность. Чувство Мцыри остается томлением, тоской, оно овеяно печалью и грустью. Полнота естественной, природной любви оборачивается обременительной тяжестью для слабого юноши, теряющего сознание. Слишком велики впечатления бытия и слишком непосильно их бремя. Недаром любовь к грузинке становится отрадным сном и воспоминанием о сладостном блаженстве, а далее следует признание в недостижимой цели:

Но скоро в глубине лесной
Из виду горы потерял
И тут с пути сбиваться стал.

Природа открывает Мцыри свои душевные и предметные богатства, но как только юноша вступает в непосредственное соприкосновение с ее дарами, его посещает тоска. Особенно отчетливо это состояние обнаруживается при встрече с идеальными созданиями природы. Немоощь тела дает себя чувствовать скорее не в борьбе с препятствиями — Мцыри, как правило, их преодолевает, — а в непосредственном проявлении естественного чувства любви, переживания природы и наслаждения ее красотой. Всем этим подчеркивается невозможность слияния с жизнью природы, невозможность жить в естественном состоянии. В образах гор, огонька, звезды передается недостижимость и одновременно заманчивость счастья, острое чувство цели и отсутствие путей к ней:

Лишь серебристой бахромой	На небесах в полночный час
Вершины цепи снеговой	Так гаснет яркая звезда!
Вдали сверкали надо мной,	Хотелось мне... Но я туда
Да в берега плескал поток.	Взойти не смел.
В знакомой сакле огонек	
То трепетал, то снова гас:	

(IV, 160).

Поиски родной страны и родной души наталкиваются на непреодолимые препятствия, как внешние, так и в еще

большей мере внутренние¹. В тяжкие минуты отчаяния природный мир предстает перед героем ночным мраком, а себя Мцыри ощущает степным зверем, лишенным светлого сознания и начисто отгороженным от людей. Природа выступает как неразумная сила, лишенная одухотворенности, но по-прежнему естественная в своей дикости. Этот лик природы — дикий, необузданный и неразумный — является Мцыри в момент глубокого душевного кризиса. Ночные размышления Мцыри, в ходе которых он сравнивает себя со степным зверем, предвещают эпизод с барсом. Встреча с реальным противником вносит поправку в трагические раздумья героя, и благодаря ей преодолевается кризис его сознания. Оказывается, в звериной дикости и лишенном сознания природном существе есть своя одухотворенность и правда. Чувство опасности мобилизует силы героя. Мцыри преодолевает усталость, «сердце» в нем «вдруг зажглося жаждою борьбы И крови...». Барс выступает как реальный противник, как честный соперник. В самой природной дикости есть некое одухотворенное начало. Мцыри постигает его смысл, ведя смертельный бой со зверем. Он преодолевает свое собственное представление о неразумной звериной жестокости. Схватка с барсом вновь оборачивается сознанием высокой ценности борьбы, личного мужества. Это новое сознание противоположно состоянию душевной апатии и расслабленности чувств, предвещающему битву с барсом («Тогда на землю я упал, И в иступлении рыдал, И грыз сырую грудь земли, И слезы, слезы потекли В нее горючею росой...»). Смертельный бой с барсом дан как схватка диких природных сил. Барс, раненный Мцыри, «застонал, как человек», а юноша стал похож на барса («И я был страшен в этот миг; Как барс пустынный, зол и дик, Я пламенел, визжал, как он; Как будто сам я был рожден В семействе барсов и волков Под свежим пологом лесов. Казалось, что слова людей Забыл я — и в груди моей Родился тот ужасный крик, Как будто с детства мой язык К иному звуку не привык...»). Антропоморфизм, проникающий 17-ю и 18-ю строфы поэмы, передает одухотворенность борьбы, намекает на общественный смысл эпизода. Барс и Мцыри, схватившиеся в жестком поединке, встречаются друг друга «лицом к лицу». Между ними идет честный бой. Тут побеждает тот, у кого

¹ См. тонкое замечание Д. Максимова в главе «Мцыри» (Д. Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., «Советский писатель», 1959, стр. 243—244).

больше личных достоинств — смелости, ловкости, силы. Битва становится естественным природным состоянием, в ней нет ничего таинственного, иррационального, непонятного для человека. Здесь сила побеждает силу, мужество противостоит мужеству, здесь смерть встречают открыто, здесь нет места интригам, лести, коварству, хитрости. В «чистоте» ситуации вырисовывается прообраз подлинного человеческого общества. Вся природа в поэме «Мцыри» мыслится не только в «аспекте свободы, красоты, жизненности, силы»¹, но и в качестве естественного бытия людей. В ней заложены, изначально заданы простые основания естественного человеческого общежития, где сама дикость выступает одновременно и как одухотворенное начало, обладающее разумностью. Природа по самой сути человечна, а потому общественна. В ней естественно установились справедливые законы. Даже дикий барс в конце получает вполне человеческую моральную оценку: «Но с торжествующим врагом Он встретил смерть лицом к лицу, Как в битве следует бойцу!..» В природе каждое явление полно глубокого смысла и непременно его обнаруживает. Дикость превращается в человечность, ночной пейзаж таит не только угрозу, но и помогает герою обрести новые силы. Мир природы полон величия, красоты, внутренней одухотворенности. В нем каждое существо постоянно преодолевает препятствие, испытывает радость от этого преодоления, восхищается своей силой, мужеством или умирает, подобно барсу, с чувством собственного достоинства. Именно благодаря естественности натуры Мцыри в природе раскрываются его лучшие качества. Герой обнаруживает в себе и мужество, и стойкость, и готовность к борьбе, и жажду любви, и способность к очарованию красотой. Словом, он испытывает простые, подлинно человеческие радости.

Как в «естественном человеке», отличном от байронических героев, в нем нет ничего таинственного, непонятного. И эта простота и обыкновенность героя вполне гармонируют с естественным, природным миром. Противоречия Мцыри не индивидуалистические. В нем нет рефлексии,

¹ См., например: Д. Максимов. Указ. соч., стр. 249. См. также рецензию Ю. Лотмана «Книга о поэзии Лермонтова» («Вопросы литературы», 1960, № 11) и его же статью «Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов» («Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 119. Труды по русской и славянской филологии, 1962).

характерной для внутреннего мира демонических героев. И хотя Мцыри легко отчаивается и обнаруживает склонность к сомнению, природа этих явлений иная, нежели у героев-индивидуалистов. Демонические герои изнутри заражены эгоизмом. Мцыри же не сомневается в могуществе своего духа. Внутренне он целен. Сомнения не касаются духовных ценностей и поступков и проистекают из внешних условий, обусловлены «судьбой» («Но тщетно спорил я с судьбой: Она смеялась надо мной!»). «Судьба», преследующая Мцыри, олицетворена в образе монастыря, перед которым вновь оказался Мцыри после трагических скитаний. Мцыри победил свою физическую слабость в битве с барсом, но победить «судьбу», уготовившую для него жизнь в чужом краю, он не мог. Изначальная обреченность героя, который всеми силами порывается убежать от судьбы, вновь торжествует.

Природа явила Мцыри мир подлинной жизни и чувств, но герой не в силах приобщиться к ее естественной простоте. Ему не открыты пути к ней.

В сознании Мцыри после эпизода с барсом живет трагическое бессилие, которое выражено в образе тюремного цветка, возросшего среди сырых тюремных плит. Этот мотив символизирует недостижимость полной гармонии с природой и «сладости бытия». Герой погружается в утопическую нирвану, дающую ему забвение прежнего недолгого счастья, обещающую «холод и покой» (эпизод с рыбой). Трагическая невозможность обрести желанную родину сопровождается искушением всякого отказа от поисков. Однако рядом с этим настроением, перебивая его, существует и другое. Образ опаленного зарей тюремного цветка получает новое истолкование. Дух Мцыри хотя бы на мгновение торжествует: «И он прожет свою тюрьму...» Воспоминание о пережитых днях становится сильнейшей мыслей о смерти и об отказе от цели и от поисков ее. В поэме торжествуют героическое деяние, героический поступок, страстная жажда иной жизни, несовместимой с тюремным монастырским миром.

Порыв к светлой, блаженной жизни, ощущение естественной полноты бытия, переживаемое Мцыри перед смертью, выступает в поэме как пример героического поведения, несмотря на трагические метания по кругу в поисках путей к недостижимой цели.

Лермонтов запечатлел реальный момент в психологии передового интеллигента эпохи. Постепенно начали выри-

совываться неясные очертания желаемой, но практически недоступной жизни. Общество находилось в «мертвой точке», не зная, куда идти, какой избрать путь. Романтизируя поиски героя, Лермонтов не скрывал трагической недостижимости цели, прославляя и оправдывая героические порывы личности.

От человека той эпохи требовались особые усилия. Собственно, общество было озабочено не столько тем, какой именно путь выбрать, хотя выбор жизненного поведения многое значил. Мцыри предлагается один путь — на волю, в действительность. Лермонтов отстаивал героическое деяние, путь борьбы, мужества, жизненной стойкости. Но каковы реальные пути к светлой цели, «лермонтовский человек» еще не знает и над этим почти не задумывается. Он раздумывает «над путями, предлагаемыми самой жизнью». «Подлинное содержание исповеди Мцыри, — справедливо пишет Д. Е. Максимов, — заключается в выявлении стихий и возможностей действительности...»¹. Отсюда понятны поэтизация жизни и тот явный объективный уклон в романтизме, которые отличают зрелые романтические произведения Лермонтова.

Мцыри не достиг идеальной цели — он не увидел свою родину, но в качестве прообраза подлинно человеческого общества выступил в поэме природный мир, о чем убедительно писал Ю. М. Лотман в статье «Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов». Идеал Лермонтова возник на основе руссоистской традиции, переработанной романтиками. Просветительская идея Руссо, ее демократический характер получили в романтизме несколько иное освещение. Ведь для Руссо именно в первобытном, естественном заключены подлинные законы справедливого человеческого общества. Цивилизация извратила эти естественные основания. Лермонтов в «Мцыри», несомненно, следовал философским идеям Руссо. Природа в поэме изначально чужда, общественна. Но этого мало. Лермонтов подчеркивает простоту природы, бедность грузинки; человеку всюду противостоят естественные и простые силы. «Тем самым идеальное общество — это общество упрощенное, в котором человек поставлен лицом к человеку, а не сталкивается с могущественными, для него иррациональными, опосредствованными сп-

¹ Д. Е. Максимов. Поэзия Лермонтова. Л., «Наука», 1964, стр. 223.

лами»¹. И все-таки руссоистская идея обогатилась новым содержанием. Для романтиков идеальное общество — человеческая, а не природная только действительность.

Мысленной антитезой естественному обществу, основанному на простых отношениях, выступила враждебная авторскому сознанию современная цивилизация. Достаточно освободить человека от социальных связей, чтобы обнаружилась его подлинная, естественная природа. Нормой общественного бытия выступает простое общество, не искаженное социальностью. Однако, в отличие от Руссо, романтики, в том числе и Лермонтов, переосмыслили и усложнили просветительскую идею. Утопизм в романтизме противоречивым образом согласовался с идеей развития. Во-первых, представление о естественном общежитии служило почвой для критики современности, порвавшей с изначальными основаниями человеческой природы. Во-вторых, романтики остро почувствовали невозможность возвращения к простому обществу. Трагедия состояла и в том, что нет путей к этому первобытному состоянию, и в том, что оно выступило неосуществимой идеей, что, однако, вовсе не свидетельствует о принципиальной недостижимости идеала. Вымысел о простом обществе, будто бы не знавшем противоречий, питал романтическую иллюзию. Но доминирующей чертой выступило уже не подробное описание этой утопической идиллии, характерное для просветительно-сентиментального взгляда, а поиски человеческих форм общественного устройства. В этом смысле романтизм на поздних ступенях его развития обнаруживает глубокую связь с социально-утопическими течениями. Романтики восприняли демократические элементы руссоистской концепции, которые состояли в том, что исходной точкой для познания жизни стали не средневековые утопии, а естественное, первобытное состояние каждого народа. Это была «вторая реакция» на французскую революцию и связанное с ней Просвещение. К. Маркс отмечал, что «вторая реакция», заключающаяся в выходе «за пределы средневековья в первобытную эпоху каждого народа», «соответствует социалистическому направлению»². В романтизме реакция на французскую революцию и Просвещение носит

¹ Ю. Лотман. Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов. «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 119, стр. 43.

² К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве, т. I, М., «Искусство», 1967, стр. 387.

двойственный характер. И первая реакция — обращение к средневековой, и вторая — к первобытной эпохе каждого народа — сосуществуют. Но поздний романтизм все теснее соприкасается с социалистическими утопическими течениями. Отвергая современную цивилизацию, он проникается, независимо от воли его приверженцев, идеалами, близкими социалистическому направлению мысли, хотя еще не может преодолеть типично романтической окраски, в какой эти идеалы в нем живут. С этой точки зрения русский романтизм непосредственно пролагает путь прозе, где проблематика, свойственная романтикам, получает глубокую социально-психологическую мотивировку.

Таким образом, проблематика «Мцыри» связана с просветительскими идеями руссоистского типа, получившими трагическое осложнение в романтизме, и с социально-утопическими воззрениями, но эта проблематика представлена в сугубо романтическом свете. Авторское сознание налагает свою печать и на образ героя, изначально сложившийся и движущийся в одном направлении. Замечено, что перед героем, в сущности, один путь, несмотря на колебания и сомнения. Заданный в начале поэмы тезис о могуществе духа юноши и слабости его тела получает оправдание в конце поэмы, усложняясь до философско-символического значения. Сюжет поэмы непосредственно воплощает авторскую мысль. И хотя эпический зачин по стилю отличается от исповеди Мцыри, авторская точка зрения доминирует в произведении. Субъективное начало формирует и характер Мцыри, и цель его поисков, и отношение к природе. Вместе с тем субъективность не настолько распространяется на внешний мир, чтобы выступать лишь в качестве эмоционального знака авторских переживаний и служить только для их выявления и оттенения. Лермонтов расширяет возможности жанра романтической поэмы, углубляя психологию героя и обращаясь к исследованию путей, даваемых самой жизнью для человека его времени. Он доводит этот жанр до высокого совершенства. Мятельный и страдающий романтический герой прославляет действительность, открывающую перед ним высокую цель и предоставляющую необозримые возможности для героической деятельности. Трагическая потерянности героя, который заблудился в поисках родной страны, не обесценивает ни смысла цели, ни значения поисков, а выражает реальное сознание лермонтовского поколения. Выход из трагического состояния видится Лер-

монтову в смелом исследовании жизни и в мужественной пробе личных сил, которые становятся могучими в непосредственном соприкосновении с действительностью. Естественная, неискушенная, «детская» натура человека, освобожденная от социальных наслоений, будет гармонизировать со столь же простым обществом и уничтожит то противоречие между высоким духом и физической немощью, которое привело к крушению мечтаний Мцыри и не позволило им реализоваться. Обретение этой гармонии возможно только в борьбе: в ней родится новый, лучший общественный строй и выкуется могучий, свободный, отважный человек. Доверие к жизни и к внутренним силам личности провозглашает и поэтизирует Лермонтов в «Мцыри».

* *
*

В поэме «Мцыри» личность является центральной фигурой, способной к протесту и борьбе. В этом отношении Лермонтов стоит на романтической позиции, поскольку движущие истории зависит только от воли личности и ее духовных усилий. Время наложило свою печать на представления Лермонтова, и здесь нет его личной вины. Трагедия дворянского интеллигента в том и заключалась, что романтический порыв опирался только на личную волю, хотя и искал поддержку в правде народной жизни. Мцыри в своих мечтах постоянно обращается к родному краю, к духу отцов, к кавказским горам. Но его обращения безответны. Герой томится тоской по родине, но он одинок в своем страдании. Отъединенность личности характерна и для «естественного человека», и для демонического героя, обнаруживающего эгоистическую, индивидуалистическую природу. Одиночество личности становится болезнью века. Если в поэме «Мцыри» причины одиночества коренятся в том, что «естественный человек» искусственно вынут, изолирован от природной сферы в результате внешних событий, то в «Демоне» трагедия одинокого сознания перемещена во внутренний мир души. В «Демоне» перед нами принципиально иной ход авторской мысли, нежели в поэме «Мцыри». Проблематика «Демона» связана с апологией и гибелью индивидуалистического сознания, которое не может вследствие своей внутренней противоречивости, порожденной цивилизацией, постичь объективные ценности жизни.

Поэма «Демон» пережила значительную эволюцию. Существует несколько редакций текста поэмы. Исследователи